

Молодой Ленинград

а л ь и а н а х

1960

Молодой Ленинград*60

Ленинградское отделение
издательства «Советский
писатель», 1960 г., 256 стр.

Тираж 10 000 экз. Цена 6 р.
С 1/1 1961 г. – 60 коп.

Редактор М. М. Марьенков
Редколлегия: Н. Дементьев,
Н. Луговцов, Г. Некрасов, М.
Слонимский, В. Шефнер

Художник М.Е. Новиков
Иллюстрации:
Г. Б. Праксейн, А.К. Крутцов,
В.Д. Молочников,
П.И. Висков,
Ж.В. Ефимовский

Стихи: Иван Антонов, Владимир Грошиков, Ирина Малярова,
Анатолий Радыгин, Анатолий Сорокин, Анатолий Коршунов,
Яков Лиховецкий, Сергей Макаров, Семен Трескунов,
Сергей Смирновский (басни)

Проза: Алексей Кириносков, Владимир Ляленков, Анатолий Иванов,
Федор Гордеев, П. Васильев, Петр Максимов, Алексей Леонов,
Николай Внуков, Н. Цацорин, Н. Дзгоев, Левким Потемкин,
Яков Длуголенский, Виктор Голявкин, М. Демиденко, Андрей Битов

МЫ ИГРАЕМ В АНТАРКТИДУ

Мама куда-то ушла из дому.

И мы остались одни. И нам стало скучно.

Мы перевернули стол. Натянули на ножки стола одеяло. И получилась палатка. Словно мы в Антарктиде. Там, где сейчас наш папа.

Мы с Витькой влезли в палатку.

Мы были очень довольны, что вот мы с Витькой сидим в палатке, хотя и не в Антарктиде, но как будто бы в Антарктиде, и вокруг нас льды и ветер. Но нам надоело сидеть в палатке.

Витька сказал:

– Зимовщики не сидят так все время в палатке. Они, наверное, что-нибудь делают.

– Наверняка, – сказал я, – они ловят китов, тюленей и что-нибудь еще делают. Конечно, они не сидят так все время!

Вдруг я увидел нашу кошку. Я закричал:

– Вот тюлень!

– Ура! – крикнул Витька. – Хватай его! – Он тоже увидел кошку.

Кошка шла нам навстречу. Потом остановилась. Внимательно посмотрела на нас. И побежала обратно.

Ей не хотелось быть тюленем. Она хотела остаться кошкой. И вскочила на шкаф.

Попробуй достань ее со шкафа!

– Какой же это тюлень, – сказал я. – Тюлень разве может сидеть на шкафу?

– Пусть это будет пингвин, – сказал Витька. – Как будто бы он сидит на льдине. Давай будем свистеть и кричать. Он тогда испугается. И со шкафа прыгнет. На этот раз мы пингвина схватим.

Мы стали орать и свистеть что есть мочи. Я, правда, свистеть не умею. Свистел только Витька. Зато я орал во все горло. Чуть не охрип.

А пингвин будто не слышит. Очень хитрый пингвин. Притаился там и сидит.

– Давай, – говорю, – в него что-нибудь кинем. Ну, хотя бы подушку кинем.

Кинули мы на шкаф подушку. А кошка оттуда не прыгнула.

Тогда мы на шкаф закинули еще три подушки, мамино пальто и платье, кастрюльку, папины и мамины домашние туфли и еще много всего. А кошка оттуда не прыгнула.

– Может быть, ее нет на шкафу? – сказал я.

– Там она, – сказал Витька.

– Как же там, раз ее там нет?

– Не знаю! – говорит Витька.

Витька принес таз с водой и поставил его у шкафа. Если вздумает кошка со шкафа прыгнуть, пусть прямо в таз прыгает. Пингины любят в воду нырять.

Мы еще кое-что покидали на шкаф. Подождали – не прыгнет ли?

Потом подставили к шкафу стол, на стол стул, на стул чемодан и на шкаф полезли.

А там кошки нет. Исчезла кошка. Неизвестно куда.

Стал Витька со шкафа слезать и прямо в таз плюхнулся. Воду разлил по всей комнате.

Тут мама входит. А за ней наша кошка. Она, видимо, в форточку прыгнула.

Мама всплеснула руками и говорит:

– Что здесь происходит?

Витька так и остался в тазу сидеть. До того напугался.

– До чего удивительно, – говорит мама, – что нельзя их оставить одних на минутку. Нужно же натворить такое!

Нам, конечно, пришлось убирать все самим. И даже пол мыть. А кошка важно ходила вокруг. И посматривала на нас с таким видом, как будто бы собиралась сказать: «Вот, будете знать, что я кошка. А не тюлень и не пингвин».

Через месяц приехал наш папа. Он рассказал нам про Антарктиду, про смелых полярников, про их большую работу, и нам было очень смешно, что мы думали, будто зимовщики только и делают, что ловят там разных китов и тюленей...

Но мы никому не сказали о том, что мы думали.

Ирина Малярова

В СОРОК ПЯТОМ...

До срока постаревшие,
Полпуда соли съевшие,
С заплатами,
С утратами,
С подросшими ребятами
Съезжались без оглядки
В свой город ленинградки.

...Вот дети и родители
Нашли свое окно,
Взглянули и увидели –
Фанерное оно.

А в комнате от сырости
Паркет стоит горбом,
Грибы успели вырасти
На стенах в доме том.

Еще бы!.. Он, затопленный
Блокадную водой,
Зимой стоял нетопленный,
От инея седой.

Он вздрагивал от выстрелов,
Но выстоял, но выстоял!
Согрели дом и вымыли,
А после, в тишине,
Мы за погибших выпили
И за живых вдвойне!

Сергей Макаров

Там, где тает облачная глыба
Под напором ветровой струи,
Месяц – удивительная рыба –
Ходит в блестках звездной чешуи.

Разметав тумана занавески,
На волне оставив пузыри,
К полночи наш флот рыболовецкий
Развернулся в сторону зари.

Мы идем, свиданья приближая,
Только время тянется, как сеть;
В наших трюмах тонны урожая –
Тучная серебряная сельдь.

Поручни в холодных мелких брызгах,
Неподвижны цепи якорей;
И молчат, задумавшись о близких,
Рыбаки, хозяева морей.

ФИГ

Он посмотрел на карандаш: отлично получилось! – и взял следующий. «Заодно очиню и цветные...» – подумал он.

Зеленый. И красный. И синий. Аккуратно собрал стружки в горсть и вышел в мамину комнату.

– Алеша, ты что делаешь? – сказала мама.

– Занимаюсь, – сказал Алеша.

– А это что? – ткнула она в Алешин кулак.

– Не могу же я чертить огрызками.

– Вчера ты тоже точил карандаши...

Алеша ссыпал стружки в пепельницу. Подумал и забрал пепельницу.

– Зачем тебе пепельница?

– Вытряхну...

– Тебе что – делать нечего?

– Я насорил, я и убрать должен, – твердым голосом сказал Алеша.

Вышел в переднюю. В передней был стол и лежали газеты. Полистал. Почитал.

Пошел по коридору и шел по коридору. Там висели пальто, телефон. Алеша поставил пепельницу на телефонный столик и полез в карман – один, другой, третий: пуговица, гривенник, трамвайный билет... Письмо. Это Люськино пальто...

«Милая Люся, – прочел он, – извини, что...»

– Ну, погоди, «милая Люся!» – пропел Алеша. – Сегодня моя очередь.

Когда коридор кончился, началась кухня, в которой никого не было.

Кошка стрелой шарахнулась от Алеши.

– Дура, – сказал Алеша, – я, может, тебя погладить хотел...

Он попытался зайти с тыла – кошка вспорхнула на подоконник, с подоконника – на холодильник, с холодильника – на буфет. Алеша не спеша взял мокрую тряпку и влез на стул, тоже не спеша. Кошка, поджав хвост, прижалась к стене и зашипела.

– Шипишь? – сказал Алеша. – А я, может, пыль хотел вытереть... –

Он прицелился, размахнулся, но в кошку он не попал. Зато от буфета с легким треском отскочила одна из шишечек. Кошка описала дугу и заметалась по кухне. Алеша не спеша слез со стула.

Кошка забилась под буфет. Из-под него раздавалось громкое урчание. «Такой ничтожный зверь – и так рычит», – подумал Алеша. Он стукнул по буфету, и урчание еще усилилось.

– Вот ведь гадкое животное, – сказал Алеша. – Порычи мне еще, порычи!

Алеша вздохнул и понес пепельницу к мусоропроводу. Открыл, приложил ухо – там тоже ровно гудело.

– Ученье – свет, а неученье – тьма, – пожаловался он в трубу.

Труба что-то пророкотала в ответ. Оттуда пахло мокрой пепельницей. Алеша запустил в трубу руку и высыпал стружки. Очень хотелось опустить туда и пепельницу. И кошку... Вот была бы симфония!

Вздохнул.

– Воды выпить, что ли?

Налил из-под крана. Отхлебнул. Вылил в раковину.

Обратно он прошел быстро, не глядя на гудевший буфет, трубу, вешалку.

– Где ты был? – сказала мама.

Алеша прошел в свою комнату. Сел. Взгляд упал на бритву. Алеша воткнул ее в край стола. Отвел. «Дзинь!» – пропела она. Воткнул ее поглубже.

«Дзень!» – пропела она. «Ре», – подумал Алеша. Вытряхнул все свои бритвы. После долгих усилий: «Дзень! дзень! дзинь! дзаны!» – пропели бритвы.

«До, ре, ми, фа», – пропели они. Соль никак не давалась. А мама сказала:

– Ты играл сегодня на рояле?

– У меня очень много уроков, мама, – сказал Алеша и порезал палец.

Он сидел и сосал палец и смотрел на лист бумаги.

– Алеша, – донеслось из маминой комнаты, – я сейчас схожу ненадолго, а ты сиди и занимайся. Просто стыд, как мне приходится краснеть за тебя на собраниях. И это внук профессора! – добавила она со скорбью. – Поиграй на рояле. Покушай, я оставила на кухне. Я пошла.

Алеша стоял в маминой комнате около большого зеркала, и в руке у него была большая рюмка с молоком. Он отставил руку с рюмкой и смотрел на себя, отставившего руку с рюмкой. Потом он слегка пригубил, почмокал губами и покачал головой. Потом он сделал несколько общих поклонов, еще дальше отставил руку с рюмкой, посмотрел, как это все у него получилось, и откашлялся. Помолчал. Откашлялся.

– Нет, – сказал он, – слишком белое...

Он поставил рюмку на столик. И стал ходить, заложив руки за спину, как делал когда-то дедушка. «Не мешай дедушке – он думает», – говорила тогда мама. Алеша ходил мимо зеркала – и, проходя мимо, поворачивал голову налево, направо.

«О чем бы подумать?»

Вспоминались только мама, воспитательница и уроки...

– О чем бы подумать? – подумал Алеша вслух.

Послышалось хлопанье двери. В два прыжка он очутился около белого листа.

– Что же ты ничего не кушал? – сказала мама.

– Занимался.

Алеша сидел в кухне и вяло жевал сырники. Было невкусно, но он растягивал время.

Хлопнула дверь. Раздались резкие шаги, и жирный голос пропел что-то веселое.

«Дядька!» – обрадовался Алеша.

– Писатель!.. – раздраженно буркнула мама.

Дядька заглянул на кухню, повел носом и сказал:

– Здесь скверно пахнет.

Мама сказала:

– Вечно ты говоришь гадости при ребенке!

– Красивая ты, Маша, но неумна, – сказал дядька, и его шаги удалились по коридору.

Мама ворчала у буфета.

Дядька был старый моряк. С тех пор, как он ушел в отставку, он становился все самолюбивей и резче. Днем он бродил по книжным магазинам, а вечером писал воспоминания. Он говорил, что такой книги еще не бывало.

Алеша быстренько проглотил сырник и выскользнул в коридор...

– А, это ты, фиг! – пробасил дядька. Он стоя втыкал палец в пишущую машинку. – Что же ты молчишь? – Дядька оттягивал подтяжку и шелкал себя по налитому пузу. – Разве ты не фиг?

– Нет, – сказал Алеша.

– Нет, ты – фиг, – дядька выпустил облачко коньячного духа. – А кто же еще?

– Я – человек, – сказал Алеша. Разговор с дядькой доставлял ему удовольствие.

– Ах, да! Извини, извини... Впрочем, это еще не значит, что ты не фиг. Ну, зачем пожаловал? Заниматься лень? Ай-яй! Стыдно, стыдно... Впрочем, я тебе не буду рассказывать, как я был первым учеником... Ей-ей, не буду! Коньяку я тебе тоже не дам.

– Тогда дай чего-нибудь почитать.

– Что же тебе дать почитать? Про корабли ты уже все прочел...

– Ну хотя бы что-нибудь свое.

– Вот что, Алеша, я тебя уважаю, но ты – фиг! Давай раз и навсегда договоримся: больше ты мне таких гадостей говорить не будешь. Твоя мать другое дело... А ты еще мал надо мной посмеиваться.

– Да что ты, дядя... Я же не хотел...

– Ну-ну... Так что же тебе дать?

- Тогда дай «Декамерона».
- «Декамерон», – мечтательно произнес дядька. – Далекая юность...

Не дам.

- Почему? – протянул Алеша.
- Не дам – и не проси.
- У нас в классе многие уже читали, – сообщил Алеша.
- Да? Это, пожалуй, меняет дело. Нельзя отставать... Не дам.
- Ну, дядя...
- А о н а тебе позволит?
- Да что ты, дядя... Смешно даже. Ни-и-и! Не позволит, – убежденно

сказал Алеша.

- Не позволит, значит... А ты ее спрашивал?
- Ну что ты, дядя! Ты же ее знаешь не хуже меня...
- Гм-м, не хуже тебя... Это как сказать. Так, значит, не позволит.
- Нет, – категорически отрезал Алеша.
- Ну, тогда бери. Бери, рыжий фиг, и проваливай. Мне еще труднейшую главу по распорядку сегодня кончить надо. Да и за тобой сейчас сюда прилетят...

Алеша сидел перед чистым листом бумаги, а в выдвижном ящике расположился «Декамерон». «Скучная книжка», – думал Алеша. Развлекало его только то, что приходилось следить, как бы не застала мама. Уже несколько раз ему казалось, что мама направляется к нему, и он с треском закрывал ящик и начинал сосредоточенно вертеть карандаш. Сердце стучало. Мама не подходила. Когда он еще раз захлопнул ящик.

- Что ты там грохочешь? – сказала из соседней комнаты мама.
- Учебник уронил...

В конце концов мама подошла как-то так беззвучно, что Алеша не только не успел захлопнуть ящик, но и проснуться. Алеша вздернул голову и обвел бессмысленными глазами.

- Ах, вот как! – только и сумела сказать мама, схватила книгу и помчалась к дядьке.
 - Тьфу ты! – простонал Алеша. – Куда деться...
- Они столкнулись в подворотне.
- Фиг!.. – удивился дядька. – Ты куда?
 - Так... – сказал Алеша.

– Ах, так... Ну, проводи меня тогда до угла.

Дошли до угла. Отсюда начинался Портовый проспект. Постояли.

– Ну что, пойдём посмотреть пароходы? – решительно сказал дядька.